

Трофимович Т.Г.

УО "Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка"
(Беларусь)
e.mail: t.trof@mail.ru

УДК 81'373:81'255.2:811.161.3

Переводы произведений А.С. Пушкина на белорусский язык в лингвокультурном пространстве билингвального общества

Tamara G. Trofimovich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Translations of works A.S. Pushkin in the belarusian language in the linguocultural space of the bilingual society

В статье рассматривается место и роль переводов пушкинских произведений на белорусский язык в жизни двуязычного общества. Основное внимание уделяется анализу семантических соотношений русских и белорусских языковых единиц, выявлению способов достижения смысловой адекватности или близости.

The article examines the place and role of translations of Pushkin's works into Belarusian in the life of a bilingual society. The main attention is paid to the analysis of semantic correlations of Russian and Belarusian language units, to the identification of ways to achieve semantic adequacy or proximity.

Ключевые слова: Близкородственные языки, перевод, семантика, языковые единицы, поэтический текст, коннотация, стилистическая окраска.

Key words: Related languages, translation, semantics, language units, poetic text, connotation, stylistic coloring.

Много лет лингвокультурное пространство белорусского общества обогащено существованием белорусской Пушкинианы. Неотъемлемой частью этого уникального духовного явления стали переводы произведений А.С. Пушкина на белорусский язык.

Первым переводчиком А.С. Пушкина был, по мнению исследователей, Адам Гуринович (1869 – 1894), который перевел стихотворение "Эхо". К великому пушкинскому наследию обращались также классики белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А.Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А.С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов. Некоторые стихотворения и поэмы имеют по 3-7 переводных версий. Так, стихотворение "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..." бытует как минимум в семи версиях [Пушкин: 1999, с. 212].

Есть все основания считать, что белорусские поэты и писатели хорошо понимали: русский язык позволит мобилизовать богатые возможности белорусского языка, раскрыть их потенциал, осуществить процедуру общественного одобрения средств народной речи, придать им таким образом статус единиц языка литературного.

События истории белорусской Пушкинианы полно освещены в изданной к двухсотлетию со дня рождения поэта книге "А.С. Пушкин и Беларусь" (Мінск: "Беларуская навука", 1999). В ней можно отыскать объемную статью И. Солоневича "Нет, весь я не умру...". Произведения А.С. Пушкина в переводах на белорусский язык" [1, с. 187-214], а также работы других исследователей, писателей и поэтов, работавших с пушкинским наследием. Со времени выхода книги прошло двадцать лет. Как все эти годы развивалась белорусская Пушкиниана?

Предпринятый нами анализ электронного каталога Национальной библиотеки Беларуси, интернет-ресурсов, а также летописей газетных и журнальных статей показал, что интерес к творчеству А.С. Пушкина не угас, он постоянен и устойчив. По-прежнему печатаются переводы на белорусский язык, выполненные классиками белорусской литературы. Заметным культурным событием стало издание "Галасы з-за небакраю: анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX стагоддзя" (Мінск, 2008), в которое включено восемь переводов А.С. Пушкина.

Удалось установить, что в последние годы к Пушкину обращались П.Г. Макаревич, В.В. Аколова, Н.Миргородский, С. Махнач. Охотно допускаем, что назвали не всех, поскольку поиск переводов и переводчиков оказался делом весьма трудоемким. Ясно одно: творчество гения

русской литературы притягивает внимание, возбуждает творческие силы, мобилизует изобразительно-выразительные возможности белорусского языка.

Полноценному осознанию места и роли переводов произведений Пушкина в жизни белорусского общества способствует сравнительно-сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводных вариантов.

Близкое родство русского и белорусского языков создает исключительно благоприятные возможности для смыслового и просодического сближения оригиналов и переводов. Особенно значимыми такие возможности оказываются при переводе поэтических текстов. Возможно привлечение общего лексического фонда, а также использование специфических белорусских слов, совпадающих по значению с русскими или максимально приближенных к ним. Приведем несколько примеров: *Люблю тебя, Петра творенье. / Люблю твой строгий, стройный вид. / Невы державное теченье. / Береговой ее гранит.* – *Люблю цябе, Пятра тварэнне. / Люблю твой строгі, стройны від. / Нявы дзяржаўнае цячэнне. / Берагавы яе граніт* (Перевод Я. Купалы). *Мороз и солнце; день чудесный! / Еще ты дремлешь, друг прелестный... - Мароз і сонца; дзень цудоўны! / Яшчэ ты дрэмлеш, друг чароўны...* (Перевод Р. Бородулина). *С своей волчихой голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, конь дорожный / Храпит – и путник осторожный... - З сваёй ваўчыхаю галоднай / Выходзіць на дарогу воўк; / Яго пачушы, конь дарожны / Храпе – і путнік асцярожны...* (Перевод А. Кулешова).

В ряде случаев требования просодической организации текста приводят к изменению порядка слов в переводе при сохранении идентичности словарных составов. Например, в оригинале поэмы "Медный всадник" и переводе на белорусский язык Я.Купалы находим такие параллели: *Твоих задумчивых ночей... / Начэй задумлівых тваіх... И бледный день уж настает ... / I ўжо дзень бледны настае... Полночных стран краса и диво... / Краін паўночных цуд і дзіва...*

Обобщенный анализ собранного языкового материала позволяет утверждать, что смысловое соотношение оригинала и белорусскоязычного перевода оказывается в рамках трех основных позиций: 1) максимальное, почти полное совпадение смысла; 2) несовпадение смысла разной степени; 3) значимое отступление от оригинального смысла.

Отметим, что фактов практически полного совпадения пространственных отрывков не слишком много. Больше случаев совпадения одной – двух строк с заменой одного слова. Вот примеры: *В гранит оделася Нева; / Мосты повисли над водами; / Темно-зелеными садами / Ее покрылись острова... - Граніт адзеў бакі Нявы; / Масты навіслі над вадамі, / Цёмна-зялёнымі садамі / Зазелянелі астравы...* (Перевод Я. Купалы). Еще пример: *Встает заря во мгле холодной; / На нивах шум работ умолк... – Зара ўстае ў імгле халоднай; / На полі гоман працы змоўк* (Перевод А. Кулешова). *Октябрь уж наступил – уж роца отряхает / Последние листья с нагих своих ветвей... Кастрычнік надыйшоў – і гай ужо страсае / Апошнія лісты з пустых сваіх галін...* (Перевод А. Кулешова). Мы выделили слова, которые полностью по значению не совпадают. Согласно "Русско-белорусскому словарю", *нагой – голы* [РБС: т.2, с. 107], *нива – поле* [РБС: т.2, с. 243].

Понятно, что при переводе стихотворных произведений создание смысловых соответствий – не единственная забота переводчика. Нужно еще сохранить стихотворный размер, создать гармоничные с точки зрения просодии строки и строфы, соблюсти по возможности стилистическую окраску и коннотации употребленных автором слов. Все эти действия приводят к тому, что смысл оригинального текста и его перевода в той или иной степени различаются. Обратимся к примеру.

Из экономии места русский текст строфы XX главы первой романа "Евгений Онегин" приводить не станем: *Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла – все кипит...* В строфе 14 строк, их количество естественным образом совпадает в переводе романа на белорусский язык, выполненном А. Кулешовым. Немало строк удалось перевести дословно: *Тэатр паўночкі; ложы ззяюць; / Партэр і крэслы – ўсё кіпіць... Яна ўзвілася і шуміць – И взвившись, занавес шумит... Плыве, як пух ад губ Эола; / То стан звіе, то развіе, / То хуткай ножкай ножку б'е. – Летит, как пух от губ Эола; / То стан совьёт, то разовьёт / И быстрой ножкой ножку бьет.*

Неизбежными оказываются смысловые несовпадения. Приведем несколько примеров построчных соответствий из поэмы "Медный всадник" и ее перевода на белорусский язык: *Чернели избы здесь и там – Чарнелі хаты ў хмызняках; В гранит оделася Нева - Граніт адзеў бакі Нявы; Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз – Люблю зимы тваёй суровай снягі, марозы, даляў глуш; Над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом – Над спахмурнелым Петраградом стаяла восень лістападам...* (Перевод Я. Купалы)

Еще раз обратимся к роману "Евгений Онегин", который, как мы уже указывали, перевел А. Кулешов. Это строфа 41 (XLI) четвертой главы. В оригинале насчитываем 66 словоупотреблений, в переводе – 63. Шесть строк из четырнадцати переведены дословно.

Однако наблюдения показывают, что не всегда переводчику все удается. *На нивах шум работ умолк / На полі гоман працы змоўк. Нива – поле, возделанное для посева или засеянное хлебом* [СРЯ: т.2, с.495). Белорусское слово *поле* имеет то же значение [ТСБМ: т.4, с.288], хотя белорусскому языку известно и слово *ніва*. Вполне успешными можно признать соответствия *шум – гоман, работ – працы, почуя – пачуўшы, распевая – з песняю*. А как быть со строкой *Несется в гору во весь дух*, которая в белорусском переводе звучит так: *Ляціць што мае сіл з гары*. Русское наречное сочетание *в гору* означает *на гору, вверх* [СРЯ: т.1, с.132), т.е. путник осторожный что есть силы несется на гору, но не с горы. Устойчивое словосочетание *нестишь во весь дух* как раз и показывает, что движение в гору путник осуществляет быстро и изо всех сил [СРЯ: т.1, с.454]. С горы же можно нестишь быстро, но вряд ли изо всех сил.

Довольно существенные трансформации претерпевает пушкинский текст при переводе второй части строфы. Появляются *труба, селянін*, вместо полуденного часа *позна ўвечары*, а коров пастух зовет уже не в кружок, а *не гоніць дамоў*.

Особенно значимой, на наш взгляд, является утрата стилистической окраски слов. В анализируемой строфе слово *дева* переведено как *дзяўчына*. В истории русского литературного языка этот и подобные факты ярко свидетельствуют о новаторском характере языка произведений Пушкина. Как писал академик Виноградов В.В., он вкладывал в слово заряд из таких значений, которые раньше представлялись стилистически разобщенными [Виноградов: 1982, с. 252]. Слово *дева*, как и *девчонки* (*Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заранее...*), это не просто слова – это события в истории русского литературного языка.

Досадные потери в переводах встречаются. Представляя героя поэмы "Медный всадник", Пушкин пишет: *Мы будем нашего героя / Звать этим именем...Прозванья нам его не нужно...* В переводе читаем: *Мы будзем нашага героя зваць гэтым імем...Не трэба нам яго празвання...* Практически полное формальное совпадение оборачивается существенными смысловыми потерями. *Прозвание* по-русски 'фамилия, имя' [СРЯ: т.3, с.486], *празванне* по-белорусски 'мянушка' [ТСБМ: т.4, с. 327]. Речь же в поэме идет не о кличке героя, а о его фамилии, родовом именовании, и это прозвание *блистало и под пером Карамзина*.

Сколько свежести и емкости в пушкинском эпитете *Невы державное течение! Державный – обладающий верховной властью, владетельный, царственный, величественный, могучий* [СРЯ: т.1, с.389], *дзяржаўны – які мае адносіны да дзяржавы, дзяржава – палітычная арганізацыя* [ТСБМ: т.2, с. 181].

С сожалением отметим и встречающиеся факты эмоционально-экспрессивных сдвигов при переводах. Так, например, пушкинскому стихотворению "19 октября" вовсе не свойственно употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а в переводе читаем: *Сребрит мороз увянувшее поле / Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі; Пылай, камин, в моей пустынной келье / Свяці, агонь, на камінку пустэльным...*

К сожалению, переводы на белорусский язык не позволяют отобразить особенности языковых норм, бытовавших во времена Пушкина. Их вкус и неповторимый аромат знаменует эпоху в истории русского литературного языка, важный этап в становлении и развитии русской художественной речи. Вот несколько примеров: *Открой сомкнуты негой взоры / навстречу северной Авроры / звездю севера явись / Сустрэць паўночную Аўрору / прыдзі, як поўначы зара! ; Да за смиренное кладбіще / Яшчэ за могілкі старыя...*

Переводчикам, как показывают наблюдения, не удается избегать русизмов. Так, в переводе поэмы "Медный всадник" находим *успамінанне, іменем, спяшыць, наканец, бродзіў, вакруг, баязь, труп* и др.

Классики белорусской литературы, переводившие произведения А.С. Пушкина на белорусский язык, много потом писали о своем переводческом труде. Так, например, А. Кулешов написал статью "Работа над перакладам "Яўгенія Анегіна" (1950). В ней много наблюдений над языками, их возможностями, реальной практикой перевода. Поэт показывает на примере, как менялись его представления о возможном переводе на белорусский язык известных строк: *Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много внем отозвалось!* Хотелось как можно точнее сохранить первую строку: *Масква... як многа ў гэтым гуку... Масква... як многа ў гуку гэтым... Масква... як шмат у гэтым гуку... Масква... як шмат у гуку*

гэтым...В итоге нашлось такое решение: Масква...як многа ў слове гэтым / Для сэрца рускага чутно! / Як многа будзіць дум яно! [Пушкин: 1999 , с.218].

Анализ можно продолжить, но остановимся, предвидя возможные упреки в том, что потери при переводах неизбежны, что следует оценивать общекультурное значение существующих и создающихся переводов, а не копаться в оттенках смыслов и прочих мелочах. Согласимся с этим и укажем, что белорусская Пушкиниана как культурное событие прошлого и настоящего исполнена высокого созидательного смысла. Она доказывает, что влияние гения на общественное развитие выходит за рамки его родного народа и родного языка, что творчество гения ценно своим гуманистическим пафосом, проникающим в сознание и душу человека как такового. Всем белорусам очень повезло, оттого что Пушкин оказался так близко к нам в духовном и ментальном пространстве.

Список использованных источников

1. А. С. Пушкін і Беларусь. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 428 с.
2. Пушкиниана [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194950>. – Дата доступа : 04.06.2018.
3. Русско-белорусский словарь : в 3-х томах / под ред. А. А. Лукашанца. – Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2012. – Т. 1–3.
4. Словарь русского языка : В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 1–4.
5. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : У 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.